

«НЕ ВСЕ ЧИТАЛИ ЗАРЕВЫЕ ЗНАКИ»: К ПРОБЛЕМЕ САМОСОЗНАНИЯ А. БЛОКА

Тема «Поэт и поэзия» в школьном и вузовском преподавании истории русской литературы приобрела традиционный характер. Ее актуальность для раскрытия сути литературного процесса России рубежа XIX-XX вв. и приобщения к уникальным опытам его ведущих представителей несомненна. Анализ рефлексий А. Блока по поводу искусства и роли художника способен прояснить важные качества его личности и метода, раскрыть общие для историко-культурной ситуации аспекты и помочь педагогам глубже осмыслить и эффективнее структурировать материал по проблеме.

Новый статус искусства, вождя духовной деятельности, в сознании символиста А. Блока соотносится с *религиозной миссией*, осмысление сути которой требовало изначально высокой степени самосознания. *Требование саморефлексии*, выявляющей природу, смысл и границы творческой деятельности, - первое требование к искусству, элемент предписанной искусству аскезы [1]. Заметим, что саморефлексия Блока, в дополнение к собственно символистским принципам свертывания бытийных проявлений, носила *мифотворческий характер*.

Второй аспект художнического самосознания Блока – *апологетика свободы искусства и художника*. В эпоху «Тезы» (1898/1900-1903 гг.) поэт утверждал: «ты свободен в волшебных мирах», в эпоху «Антитезы» (1904-1907/08 гг.) вместе с «двенадцатью» упивался беспредельной свободой творения-разрушения: «Свобода, свобода, эх, эх, без креста!». Интуицию свободы творчества Блок выражает через актуализацию романтической оппозиции «гений - толпа» и усугубляет противостояние, апеллируя к пушкинской оппозиции «поэт и чернь». Позиция А. Пушкина, традиционно интерпретируемая в социальном

плане, у Блока прирастает новыми акцентами и новой экспрессией («О назначении поэта»). Главная вина «черни» перед «поэтом» в том, что «чернь требует от поэта служения тому же, чему служит она: служения внешнему миру; она требует от него «пользы» [2]. Миссия же поэта, по Блоку, с прагматизмом толпы отнюдь не совпадает. Так идея свободы искусства, его права на независимое от требований банальной пользы бытие совпала с идеей *личностной свободы художника*. Но - не «личной только свободы», а *свободы выбора* пути - духовного, эстетического и *свободы в реализации предназначения*.

Парадоксально, но Блок, как художник-символист, по замечанию Н. Бердяева, искал не столько свободы, сколько *«связанности» творчества*. Нашел он ее в обращении к культовому, религиозному искусству. Причин стремления Блока к канонизации искусства немало: стремление преодолеть индивидуализм, келейность искусства; восприятие искусства как аскезы, подчиняющейся ритуализированным нормам; особая природа художника-гения, его «внутренняя пустота», душевная «зыблемость». «Канон», аскезы могли стать той «священной броней», которая, с одной стороны, придавала бы оформленность и цельность духовному опыту художника - стержню личности, с другой - осмысленность творческим намерениям. Именно такую роль играет «религиозность» для Блока, признававшегося: «Боюсь души моей двуликой / И осторожно хороню / Свой образ дьявольский и дикий / В сию священную броню».

Третий аспект художнического самосознания Блока связан с *конкретизацией религиозной миссии искусства*, фиксацией его задач. Некоторые моменты религиозного опыта наиболее активно

востребованы Блоком применительно к осмыслению задач творчества:

- *Реалиорность искусства*. Термин «реалиорность» (С. Булгаков) своим происхождением обязан символистскому девизу «a realibus ad realiora», «от реального к реальнейшему». Реалиорность символистского искусства - это *утверждение его религиозной состоятельности, способности прозревать связь между здешним миром и инобытием*. Восприятие искусства как моста между мирами характерно для Блока. Его мнение выражено четко: художественные искания «обнаруживают с очевидностью объективность и реальность тех миров», а художник призван и способен «поднять внешние покровы, чтобы открыть глубину».

Реалиорность искусства осуществляется в практике Блока в *форме религиозного служения, ритуализированной и эстетизированной аскезы*. Императивность аскезы декларируется Блоком, намечает ли он путь «к подвигу, которого требует наше служение»; размышляет ли о «трех делах», которых «требует от поэта его служение», провозглашает ли тождество служения и долга («Не забывай долга – это единственная музыка»), призывает ли художников-символистов к исполнению миссии («мы обязаны»). Эстетизированная аскеза Блока подразумевает апелляцию к различным формам религиозного служения: *заключению договора, завета* («Со мной всю жизнь один Завет: / Завет служенья Непостижной»); *вестничеству и пророчеству* («Сбылось пророчество мое: / Перед грядущею могилой / Еще однажды тайной силой / Зажглось святилище Твое»); *молитве* («Молитву тайную твори»); *посту* («духовная диета»); *священству* («Вхожу я в темные храмы, свершаю бедный обряд»), в том числе магическому - жречеству («Я один шепчу заклятья»); *монашеству*, иночеству, послушанию («Славой золотеет заревою / Монастырский крест издалика. / Не свернуть ли к вечному покою? / Да и что за жизнь без клобука?»); *рыцарству*, не столько светскому, сколько воспринято-

му в своей изначальной, религиозной сути и представленному преимущественно как *охрана своих святынь, «стояние на страже»* и как *участие в «священной брани»* за веру, за Нее («Я – меч, заостренный с обеих сторон, / Я правлю, Архангел, Ее судьбой»); *поклонению*, в том числе эротическому («Не призывай. И без призыва приду во храм. / Склонюсь главою молчаливо / К твоим ногам»).

Особый интерес представляют *вестничество* и *пророчество* – знаковые функции художника в сознании творческой личности к. XIX- нач. XX вв [3].

Понятия вестничества и пророчества в культуре рубежа веков обычно употреблялись как синонимы. Но мы полагаем, что это понятия не синонимичные. Важный критерий различения пророчества и вестничества присутствует в христианской богословской традиции. За пророчеством утверждается личностный посыл и сознательность служения, в отличие от подчас неосознаваемого и безличностного вестничества [4].

Отметим, что христианская традиция связывает пророчество с деятельностью избранной и преображенной, но не утратившей человеческой природы, свободы воли человеческой личности. Вестническую же функцию в христианстве обычно выполняет ангел («посланник, вестник»). Слово «ангел» в Библии употребляется и по отношению к Христу, и по отношению к людям - пророкам, священникам и епископам церкви, и по отношению к неодушевленным предметам - когда они предстают вестниками гнева Божия. Это слово «в Библии обозначает личные, духовные существа, сотворенные Богом, они возвещают людям Божию волю и исполняют на земле его веления»[5].

По поводу содержания и вестничества, и вести художника Блок весьма определенно высказался в статье-некрологе «Памяти Врубеля». Вестничество есть личное достояние художника, а его весть - «о том, что в сине-лиловую мировую ночь вкраплено золото древнего вечера». Вероятно, Блок имеет в виду *весть о грядущем преображении и спасении челове-*

ка и мира. Вестничество-возвещание близко и ему самому: «я – Твой /.../ глашатай» - так поэт определяет свой статус по отношению к Вечной Женственности. Размышления Блока по поводу вестничества Врубеля во многом представляют собой субъективную мифологизацию, приписывание собственных представлений и намерений духовно близкой личности. Блок и сам в восприятии современников был вестник: «И в этот первый миг свиданья юноша Блок показался мне истинным вестником», – вспоминает К.Бальмонт о первой встрече с Блоком [6].

Вестничество для Блока становится *важным, осознанным элементом* творческого служения. Его отличают ритуальность, космоургическая направленность, фатализм, жертвенность, трагизм («художники, как вестники древних трагедий, приходят оттуда к нам, в размеренную жизнь, с печатью безумия и рока на лице»), причастность сакральному в его демоническом (дионисийском) аспекте («мы, как падшие ангелы ясного вечера»). *Содержательное зерно* вестничества Блока в самом общем виде может быть обозначено как весть о присутствии в этом мире инобытийного начала (божественного, демонического) - залого грядущей катастрофы старого мира и конечного преображения и спасения («Вот глубочайшее откровение. Тайна его осознана теперь, как никогда, умами и сердцами, обострившимися до последней степени. Это «инфернальность» известного рода – «созерцание двух бездн», доступное недавним избранникам»); о красоте и искусстве как генеральной преобразующей и спасающей силе.

Представительны результаты *пророческого самоопределения* А.Блока, в его творчестве идея пророчества художника присутствует постоянно, то в виде гордой, самозабвенной и категоричной декларации: «Мне в сердце вонзили / Красноватый уголь пророка!», «Пророк земли - венец творенья», «С детских дней – видения и грезы», то - горькой констатации: «Сбылось пророчество мое...», то - скрыто, в форме намека на свое призвание

и упрека непризванным: «не все читали заревые знаки».

Востребование пророчества как задачи религиозного служения искусства связано с актуализацией *мифологемы художника-пророка*, подобно пророкам Израиля, являющегося «устаами Господа» (Евр. 1:1). Традиция соотнесения художественного творчества с божественным откровением, составляющим суть пророчества, восходит к Платону, усматривающему в боговдохновенном творчестве прямое излияние божества. Возможность пророческого служения в творчестве допускает и христианская традиция. Но непосредственным истоком соотнесения Блоком своего художественного служения с пророчеством является поэтический манифест А.Пушкина «Пророк», впервые на русской почве отчетливо зафиксировавший пророческие возможности, более того - пророческое предназначение искусства. Глас Божий потребовал от поэта стать пророком: «Восстань, пророк, и виждь и внемли, / Исполнись волею моей, / И, обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей», и на это требование откликнулись и художники-символисты, и Блок, клянувшийся «веселым именем Пушкина» в «веселых истинах» искусства.

Пророчество в русском символизме соотнеслось с понятием, введенным в сферу художественного сознания опять-таки Пушкиным, - понятием «вдохновение». Мысль Блока постоянно обращается к пушкинскому определению: «вдохновение, - сказал Пушкин, - есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно и объяснению оных»; для него не существует искусства без инобытийного истока - «без божества, без вдохновенья» (эту строку Пушкина Блок использует в качестве названия своей разгромной статьи о «цехе акмеистов».

Тем не менее, пророчество как одна из составляющих художественной аскезы осознается и реализуется Блоком своеобразно.

Его собственные *задачи* в качестве пророка осмыслены, на первый взгляд,

традиционно, «по образу и подобию» задач традиционной религиозной пророческой деятельности. Во-первых, это обретение мистического опыта, принятие откровения. В терминах Блока («О назначении поэта») - это «первое дело поэта», который обязан «освободить звуки из родной безначальной стихии, в которой они пребывают». Во-вторых – фиксация откровения, по Блоку – «второе дело поэта», требующее «привести эти звуки в гармонию, дать им форму». В-третьих – его трансляция, призванная в итоге изменить, «обожить» мир и человека; «внести /.../ гармонию во внешний мир» («третье дело поэта»). Этот, третий элемент аскезы, в сознании художника в большей степени связан с жизнетворческими установками символизма, чем собственно с пророчеством. Его пророческий смысл восстанавливается скорее контекстуально.

Несложно заметить, что Блок уходит от традиции в назывании задач искусства даже на терминологическом уровне – отражающую тенденцию к эстетизации пророчества, его «присвоению» искусством. Не в христианском, а скорее в синтетическом эллинистически-неогностицистски-неоромантическом ключе определяет Блок роль художника-пророка и исток откровения. Художник-символист, выступая в роли пророка, приобретает в интерпретации Блока черты богоборца, самовольно присвоившего пророческое звание, или – одержимого отнюдь не божественным началом. Проблематично и бытийное основание пророчества. Художник-пророк, гностик-созерцатель «двух бездн», по мысли Блока, казалось бы, должен пророчествовать от лица обеих: «Открылось небо над тобою, / Ты слушал пламенный хорал, / День белый с ночью голубою / Зарю алой сочетал». Однако художник оказывается не в состоянии органично объединить пророчество Ночи и Дня, «Тезы» и «Антитезы», пророчествовать от лица амбивалентного инобытия. В ситуации, когда «ночь борется с утром», побеждает ночь. Художник, по Блоку, остается в большей степени пророком «безначаль-

ной стихии»: «Всегда одним краем уха слышу (Бездну – Н.С.)». Бытийным основанием реальной пророческой практики Блока, таким образом, является *Бездна*. Следовательно, не божественное откровение несет пророк-символист миру, а откровение инфернальности, демонической инобытийной изнанки мира. Его художественная вербализация у Блока внушительна: предчувствуется в ранней («Весь горизонт в огне и близко появленье, / Но страшно мне: изменишь облик Ты»); властвует в зрелой и поздней лирике, присутствует в поэмах («Возмездие», «Двенадцать»), драмах («Балаганчик», «Незнакомка»), поэтической драме «Песня Судьбы».

Содержание пророчества Блока во многом совпадает с содержанием вестничества: пророчество есть признак сверхприродного (божественного, демонического) откровения в мире; доказательство божественного / демонического достоинства художника-пророка и пророческого искусства; оно профетически предупреждает мир и человека об их эсхатологических судьбах: трагизме бытия без Бога, нашествии «лиловых миров», близящемся Апокалипсисе и Страшном Суде; грядущем прощении и спасении. Собственная жизнь Блока оказывается пророческой в свете предуказания общей, в высшем смысле типической судьбы художника в мире.

Согласно христианской традиции, самым важным признаком истинности пророчества служит его исполнение: пророк «только тогда признаваем был за пророка, которого истинно послал Господь, когда сбывалось слово того пророка» (Иер. 28: 9). Заметим, что пророчество Блока по поводу собственной трагической судьбы и трагической судьбы старого мира вполне сбылись...

В пророчестве Блока присутствует еще одно предуказание, смысл которого им самим, по всей видимости, осознан не был. Этот пророческий смысл в целом осознается и формулируется вне символистской культуры. Н.Бердяев в «Смысле творчества» определяет символизм как последнюю, предельную ступень искус-

ства, пророческий прообраз будущего теургического творчества: «Символизм в искусстве переходит за грани классического искусства и его норм, в символизме открываются последние пределы творческого акта, в нем путь к теургии»[7]. Эта мысль близка и П.Флоренскому.

С.Булгаков видит пророческий смысл символизма иначе: с одной стороны, он совпадает с Бердяевым в оценке символизма как пророчества будущего подлинного религиозного искусства, с другой – видит в нем предупреждение тщетности попыток подменить религию искусством. Думается, осмысление Булгаковым двойственной пророческой роли символистского мифотворчества в предсказании общей судьбы искусства и творчества более верно.

Итак, самосознание Блока, одновременно и зависимое от эпохи, и инспирирующее культурные импульсы, ока-

залось связано с *актуализацией искусствовоцентристских традиций* платонизма, неоплатонизма, христианства, романтизма, символизма; с апелляцией к *модели религиозного искусства, опирающегося на мистический опыт*.

Важной характеристикой самосознания Блока стал его *мифотворческий пафос*. Он проявился в целенаправленном *осознании и постулировании смысла искусства и роли художника*; в *декларации свободы искусства* от чуждых законов и *свободы художника* в реализации своей миссии и их *«связанности» религиозной задачей*; в *постулировании религиозной миссии и пафоса искусства, фиксации и реализации его конкретных религиозных задач и форм* (реалиорность, аскетическое эстетизированное служение, важными составляющими которого являются вестничество и пророчество с перспективой теургии).

Примечания

1. См.: Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994. С. 334.
2. Блок А.А. Собрание соч.: В 6 т. Л., 1980-1983. Т.4. Л., 1982. С. 417.
3. Вестничество и пророчество как задачи художника и искусства активно эксплицировались в творчестве художников-символистов (А. Белый, К. Бальмонт, В. Брюсов, М.Врубель, Вяч. Иванов, Д. Мережковский) и были востребованным предметом рефлексий (С.Булгаков, П. Флоренский, Н. Бердяев).
4. Христианство: Энциклопедический словарь. В 3-х тт. М., 1993 - 1995. Т.3. С. 342-348.
5. Там же. Т. 1. С. 73.
6. Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993. С. 137.
7. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 457.